

Красногоров В.

~~У МЫСЛИ СТОЯ~~
НА ЧАСАХ

История русской и советской цензуры

прозвешай

Валентин Красногоров

**У мысли стоя на часах. История
русской и советской цензуры**

«Прометей»

2017

УДК 351.751.5:94(47)
ББК 76.1 + 76.103(2)

Красногоров В. С.

У мысли стоя на часах. История русской и советской цензуры /
В. С. Красногоров — «Прометей», 2017

ISBN 978-5-906879-86-8

«О чем эта книга? Мне бы очень хотелось сказать: о свободе мысли, о свободе слова, свободе печати, просто – о свободе. Но эта книга – о несвободе. О том, кто, как и почему отнимал (а иногда и продолжает отнимать) у нас право говорить и писать то, что мы думаем, право знать правду и выразить к ней отношение...» В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 351.751.5:94(47)
ББК 76.1 + 76.103(2)

ISBN 978-5-906879-86-8

© Красногоров В. С., 2017
© Прометей, 2017

Содержание

Введение	6
История цензуры	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Валентин Красногоров
У мысли стоя на часах. История
русской и советской цензуры

© Красногоров В. С., 2017

© Издательство «Прометей», 2017

Введение

О чем эта книга? Мне бы очень хотелось сказать: о свободе мысли, о свободе слова, свободе печати, просто – о свободе.

Но эта книга – о несвободе. О том, кто, как и почему отнимал (а иногда и продолжает отнимать) у нас право говорить и писать то, что мы думаем, право знать правду и выражать к ней отношение.

Эта книга – о цензуре, и, главным образом – о советской цензуре, самой всеобъемлющей и беспощадной в истории.

Многие догадывались в те годы, что цензура у нас существует. Каждый знал, что у нас что-то «запрещают» и «не пропускают», но подавляющее большинство даже активных и мыслящих граждан имело смутное представление о том, почему, как, кем и на что налагаются запреты. Если бы вдруг и нашелся любознательный читатель, пожелавший расширить круг своих сведений о советской цензуре, он бы убедился (думаю, без особого удивления), что литература по этому вопросу полностью отсутствует. Это побудило меня (как пишут в приличных диссертациях) хоть в какой-то мере восполнить досадный пробел в этой области общественного знания и написать в 1978 г. небольшой труд о советской цензуре. Задача, признаюсь, была не из легких. Книга распространялась в Самиздате, и гонорар за нее мог составить 10 лет. Сейчас я предлагаю обновленную версию этой книги.

В одной из русских сказок Иванушке дают задание – «пойти туда, не знаю куда, найти то, не знаю что». Та же задача стояла и предо мной, ибо предмет моего изучения был вездесущ, но невидим и неосязаем. Эта лисица тщательно заметала за собой следы. Первое, что запрещает цензура – это писать о самой цензуре.

Еще одна оговорка: эта книга – не развлекательное чтиво, не зажигательный памфлет и не политическая клубничка. Если не по достигнутым результатам, то по стилю и целям это – исследование, и оно не претендует на занимательность. Но если рядового читателя серьезно интересует этот предмет и вообще наша общественная жизнь, он найдет в этой работе, я надеюсь, немало для себя любопытного.

Подобно герою Станислава Лема, я могу сказать, что «при подготовке этой книги мне никто не помогал; тех же, что мне мешали, я не называю, так как это заняло бы слишком много места».

Однако пора закончить слишком затянувшееся предисловие и приступить к делу. Начнем, как полагается, с определений. Первое из них я заимствую из последнего издания Большой Советской энциклопедии (1978 год.)

«Цензура – контроль официальных властей за содержанием, выпуском в свет и распространением печатной продукции, содержанием (исполнением, показом) пьес и других сценических произведений, кинофотопроизведений, произведений изобразительного искусства, радиотелевизионных передач, а иногда и частной переписки с тем, чтобы не допустить или ограничить распространение идей и сведений, признаваемых этими властями нежелательными или вредными».

Из этого определения видно, что функции цензуры значительно шире, чем мы привыкли считать.

Под цензурой обычно понимается как самый контроль, так и то учреждение, которому он поручается.

Различают два вида цензуры: предварительную (или запретительную) и последующую (или карательную). При предварительной цензуре произведения рассматриваются до их публикации. Из принципа давать особое разрешение на выпуск каждого произведения вытекает,

что каждое неразрешенное обнародование само по себе уже составляет проступок, преследуемый государством, и наоборот, все дозволенное не нарушает никаких законов и установлений.

При последующей цензуре нет предварительного просмотра рукописей и не существует органа для такого просмотра. Автор волен печатать все, что ему вздумается. Но в случае, если посредством печати нарушается какой-нибудь закон общего права, автор или издатель могут подвергнуться административному или судебному взысканию. Например, печатная клевета, распространение ложных слухов, безнравственные публикации, разглашение государственной тайны могут повлечь за собой применение соответствующих статей уголовного кодекса. Так что термин «карательная» применительно к этому виду цензуры носит не эмоциональный, а чисто служебный характер.

Поскольку карательная цензура является частным случаем применения общих законов (о клевете, распространении ложных сведений и пр.) и не связана ни с какими особыми правилами и законами о печати, и поскольку для ее осуществления не создается никакого специального органа, а используются обычные юридические механизмы (суд, прокуратура и т. п.), то ее вообще не принято называть цензурой. Таким образом, под цензурой обычно понимают предварительный контроль печати и зрелищ. Одновременно оба вида цензуры (предварительная и карательная) в нормальных условиях никогда не применяются, поскольку они по определению исключают друг друга. О ненормальных же условиях мы поговорим в свое время.

Читателю все эти определения, возможно, покажутся слишком академичными и не очень необходимыми. Но нам придется не раз рассуждать о том или ином виде цензуры, и лучше сразу договориться о терминах.

Еще одно определение: свободой печати называют отсутствие цензуры: и наоборот, если в государстве существует цензура, говорят об отсутствии свободы печати. Под свободой печати на протяжении всей книги мы будем понимать не только свободу прессы, но и свободу литературного, музыкального и всякого иного творчества, свободу изобразительных искусств, свободу зрелищ, т. е. вообще свободу выражения общественного мнения (а также творчества) любыми возможными способами.

Последующая цензура, в принципе, равнозначна понятию «свобода печати», однако она связана для писателя, журналиста и издателя с известным риском. За каждое опубликованное произведение государство или любое юридическое лицо может привлечь автора (или печатный орган) к ответственности. Если в стране действуют жестокие и плохо сформулированные законы (а то и вовсе беззаконие), если пресса стеснена административными установлениями и оговорками, государство получает широкие возможности для преследования непокорной печати. Газеты и журналы подвергаются непомерным штрафам, закрываются (временно или окончательно), их редакторов сажают в тюрьму. «С тех пор, как мы получили свободу прессы – я трепещу», – писал Салтыков-Щедрин после русской цензурной реформы 1865 года. Неудивительно, что в этих условиях оппозиционные органы печати нанимали себе фиктивных «редакторов для отсидки». Подобный «зитц-председатель» Фукс, который «сидел при Александре Втором Освободителе, Александре Третьем Благословенном, Николае Втором Кровавом» и т. д., красноречиво описан у Ильфа и Петрова.

Таким образом, последующую цензуру можно отождествлять со свободой печати лишь при наличии демократических законов, разумного и независимого судоустройства, общественной терпимости, широкой гласности.

У предварительной цензуры перед последующей есть одно, но немаловажное достоинство: автор и издатель не несут, в принципе, ответственности за опубликованное произведение, поскольку оно уже разрешено властями. Однако это служит слабой компенсацией за потерю свободы мысли. Поэтому требование отмены цензуры всегда входит в программу любых демократических движений, и наличие или отсутствие свободы печати является индикатором уровня демократических свобод в обществе.

Официально при советской власти существовала свобода печати (статья 50 Конституции), и, следовательно, по определению, не должна была существовать цензура. Может быть, тогда нам не о чем и толковать, и ни к чему было предпринимать это исследование?

Всезнающая Советская Энциклопедия отвечает на этот вопрос туманно. В первом своем издании она ограничилась утверждением, что «Октябрьская революция положила предел как царской, так и буржуазной цензуре» (том 60, 1934 год). Утверждение не совсем точное, потому что царской цензуре положила предел еще февральская революция, но нас в данном случае интересует, что же стало потом, когда с царской цензурой было покончено.

Во втором издании (том 46, 1957 год) БСЭ более откровенна: цензура в СССР есть, но она «носит совершенно иной характер, чем в буржуазных государствах». Посмотрим последнее издание, (том 28, 1978 год). Ведь с пятидесятых годов многое изменилось, был разоблачен культ личности, построен развитый социализм и принята новая Конституция (естественно, самая демократическая в мире). Быть может, цензуру уже уничтожили? И действительно, в Энциклопедии значит:

«Конституция СССР в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя гарантирует гражданам свободу печати».

Черным по белому – «свободу печати»! Читатель от радости не сразу замечает следующую фразу:

«Государственный контроль установлен с тем, чтобы не допустить опубликования в открытой печати и распространение средствами массовой информации сведений, составляющих государственную тайну, и других сведений, которые могут нанести ущерб интересам трудящихся».

О государственном контроле в Конституции ничего не написано. Очевидно, предполагается, что о нем и так все знают. «Ну и что, – скажет читатель, упрямо верящий в идеалы. – Подумаешь, контроль. Это еще не цензура». Тогда снова вспомним определение, взятое из той же статьи энциклопедии: «Цензура – контроль официальных властей...». Как видите, определение пригодились. Вот так, неохотно, сквозь зубы, наше официальное издание признается в существовании советской цензуры. Слово это слишком одиозно, и его заменяют благозвучным эвфемизмом «контроль». Расплывчатые оговорки о военной тайне и об «интересах трудящихся» не должны вводить нас в заблуждение. Еще Маркс (которого, как это ни парадоксально, нам еще не раз придется цитировать) отмечал, что общественная безопасность – это лишь предлог для нарушения гражданских свобод (том 8, стр. 132).

История цензуры

Ни одно явление не возникает на голом месте. Советская цензура – не исключение. У нее есть предшественники и унаследованные традиции. Она вобрала в себя опыт и достижения предшествующих поколений. Чтобы лучше понять ее и получить возможность сопоставить ее с цензурными установлениями других эпох и государств, нам нужно хотя бы коротко ознакомиться с историей цензуры. Абсолютной свободы печати нет нигде; все относительно и все познается в сравнении. Сравнить придется и нам. Для этого надо кое-что знать о том, как действовала цензура в иные времена и в других местах.

Очевидно, цензура существует так же давно, как и человеческое общество. Она неизбежно появилась одновременно с возникновением господства и подчинения. Более узко явление цензуры следует отнести ко времени появления письменности. Уже египетские фараоны и жрецы что-то запрещали и что-то повелевали писать в свитках папируса и на стенах храмов. Само слово «цензура» впервые встречается у римлян. Вот что об этом сообщает Плутарх:

«Римляне полагают, что ни чей бы то ни было брак, ни рождение детей, ни порядки в частном доме, ни устройство пиров не должно оставлять без внимания и обсуждения, с тем, чтобы каждый действовал по собственному желанию и выбору: они избирают двух стражей, вразумителей и карателей, дабы никто, поддавшись искушению, не свернул с правильного пути и не изменил привычному, установившемуся образу жизни. Их-то и называют цензорами».

Цензура была учреждена в 443 году до н. э. Сначала цензоры ведали лишь проведением ценза (оценки имущественного положения граждан), но вскоре они стали наблюдать за нравственностью римлян и их благонадежностью. С падением республики цензура перешла в руки императоров.

Римская цензура, особенно в императорскую эпоху была достаточно сурова. Доказательством тому служит хотя бы свидетельство известного римского историка Тацита: «Они хотели бы лишить нас способности мыслить, как лишили средств говорить, если бы можно было заставить человека не думать, как можно заставить молчать».

Таким образом, жестокое гонение на слово началось задолго до появления печатного станка. В средние века регулярной цензуры не существовало, и ее функции исполняла церковь. Еще со времен первых вселенских соборов (325 год) начинается сжигание неугодных церкви рукописей. В 1244 году папа Иннокентий IV распорядился сжечь Талмуд. В 1510 году император Максимилиан повелел сжечь все еврейские книги, кроме Библии.

В 642 году арабами была сожжена самая богатая в мире Александрийская библиотека. Шесть месяцев подряд все бани Александрии топились бесценными древними рукописями. «Если в этих книгах говорится то же, что в Коране – они бесполезны. Если иное – они вредны». Так звучала одна из первых дошедших до нас цензурных резолюций. В 1508 году «реванш» взяли христиане: кардинал Хименес сжег сто тысяч арабских рукописей. Кто сказал, что «рукописи не горят»?

С изобретением печати сразу же была учреждена и официальная цензура (в 1487 году папой Иннокентием VIII). В ней активно участвовала возникшая в XIII веке инквизиция. Папа Лев X (около 1525 год) учредил церковную цензуру «на вечные времена».

По мере укрепления абсолютистской власти контроль над печатью постепенно берет в свои руки государство. В 1535 году французский король Франциск I установил предварительную цензуру, за обход которой авторам, типографам, книготорговцам и даже перевозчикам книг полагалась смертная казнь. В 1663 году под страхом кнута и каторги были запрещены рукописные газеты. Регламенты Людовика XIV требовали, чтобы в типографиях не запирались двери и не занавешивались окна: так было легче надзирать. Ослушникам угрожала смертная казнь.

Тяжек путь познания. Французские просветители несли свои факелы сквозь цензурную тьму. Они были вынуждены печататься анонимно, их книги часто публиковались за рубежом. Монтескье издал свои знаменитые «Персидские письма» без подписи, с фальшивым указанием на Амстердам. Его «Дух законов» появился анонимно в Женеве. Гельвеций издал «О человеке» в Голландии, и там же был напечатан «Эмиль» Руссо. Книги Гельвеция, Руссо, Вольтера неоднократно сжигались публично, их авторы сидели в Бастилии и изгонялись из страны.

В Германии начало цензуре было положено в 1521 году первый императорский цензурный устав появился полувеком позднее. В последующие годы появились цензурные уставы во всех многочисленных германских государствах. Пример – прусский устав 1819 года.

В Англии правительственная цензура была установлена в 1530 году и сразу же вызвала сопротивление свободолобивых британцев. В 1644 году великий поэт Мильтон произнес в парламенте знаменитую речь о свободе печати – «Ареопагитику». «Убить хорошую книгу – то же, что убить человека, – говорил он. – Тут уничтожается вполне созревшая человеческая жизнь... гибнет квинтэссенция, дух самого разума; одним словом – здесь убивается скорее бессмертие, чем жизнь». После окончательного свержения Стюартов предварительная цензура была отменена (1694 год), но усилились судебные преследования печати.

Большую роль в освобождении печати сыграли два события, происшедшие в конце XVIII века. Конституция США провозгласила безусловную свободу слова. Победа Великой Французской революции воплотила в жизнь освободительные идеи просветителей. Принципы общественной жизни, провозглашенные обеими революциями, стали образцом для многих последующих поколений.

Французские просветители считали свободу слова и печати неотъемлемым, прирожденным правом человека.

«После способности мыслить способность сообщать мысли своим ближним является самым поразительным качеством, отличающим человека от животного, – говорил Робеспьер в речи о свободе печати, произнесенной в мае 1791 года. – Свобода печати не может отличаться от свободы слова; и та, и другая священны, как природа; свобода печати необходима, как и само общество... Свобода печати должна быть полной и безграничной, или она не существует... Сама же природа хочет, чтобы мысли каждого человека вытекали из его характера и ума; это она создала такое изумительное разнообразие умов и характеров. Свобода объявлять свое мнение не может, следовательно, быть ничем иным, как свободой объявлять все противоположные мнения. Предоставьте хорошим или плохим мнениям одинаковую свободу, ибо только первым предназначено остаться. Лишь под покровительством свободы разум высказывается со свойственным ему мужеством и спокойствием... Сбросим иго предрассудков и научимся ценить свободу печати!».

Идеи великого якобинца не были осуществлены им на практике. Свободы слова не было ни при Робеспьере, ни при Наполеоне, ни во время Реставрации. Но время шло вперед и делало свое дело.

Революции во Франции и в других европейских странах, развитие парламентаризма, расширение юридических прав и свобод – все это не могло не отразиться и на судьбе цензуры. После июльской революции 1830 года во Франции конституционной хартией было провозглашено, что «цензура никогда не сможет быть восстановлена». И действительно, предварительная цензура во Франции никогда более не учреждалась. Однако законы о карательной цензуре были установлены довольно строгие, и печать подвергалась заметным преследованиям.

К началу XX века в ведущих западных странах предварительная цензура прекратила свое существование. Либерализация законов, введение демократических конституций сделали практически излишним и применение карательной цензуры. Судебные преследования печати по политическим мотивам теперь крайне редки, если вообще существуют. Прекрасную харак-

теристику зарубежных взглядов на свободу выражения общественного мнения дал еще Чернышевский в статье «Французские законы по делам книгопечатания».

«Система, господствующая в Англии, Швейцарии и в Северо-Американских Штатах, утверждает на том общем принципе, что делам книгопечатания не придается никакого специального значения или исключительного положения: закон и правительство не делают никакой существенной разницы между этими и другими подобными делами, подлежащими только действию общих законов. Так, во-первых, типографская сторона книгопечатания ставится в одно положение со всеми обыкновенными фабричными производствами или мастерствами. Если не нужно никакого особенного разрешения, чтобы основать столярное или токарное заведение, суконную фабрику или свечной завод, то не требуется никакого разрешения и на заведение типографии. Ее может открыть всякий, у кого есть охота и средства. – Точно так же, если суконный фабрикант или шляпный мастер волен выставлять или не выставлять свое имя на изделия, то и типографщик волен печатать книги с обозначением или без обозначения своего имени на них. . . .

... Точно так же нет особенных законов и наказаний для книгопродавцев. . . . Как без всякого разрешения открывается чайный магазин или мелочная лавочка, точно так же и книжная лавка.

Что касается писателей, сотрудников, редакторов, собственников статей, газет, журналов и книг, они также считаются обыкновенными людьми, вовсе не заслуживающими такого великого внимания со стороны законодательства и администрации, чтобы обращаться с ними по каким-нибудь особым правилам, чем с другими людьми. Как и всякие другие люди, они могут совершать действия, противные закону. . . . Например, человек может оклеветать или обесславить какое-нибудь лицо разными способами, распуская исподтишка изустные слухи, или. . . рассылая письма; если есть закон, достаточный для наказания клеветы, для уменьшения охоты к ней, для восстановления чести оклеветанного лица во всех этих случаях, – то считается, что этот закон достаточен для достижения той же цели и при совершении клеветы посредством печати».

Чернышевский дал эту картину полной свободы зарубежной печати более ста лет назад. С тех пор юридическая свобода печати достигла своего возможного предела. Ни в одной западноевропейской стране нет предварительной цензуры. Пятая статья конституции запрещает цензуру в ФРГ. В США вообще нет особых законов о печати, так как первая поправка к Конституции запрещает Конгрессу принимать какие-либо законы, ограничивающие свободу печати и слова. Цензура кино (весьма слабая) в США иногда имеет место, поскольку Верховный Суд определил кинематограф как средство времяпрепровождения, а не выражения общественного мнения. В некоторых случаях теле- и кинокомпании принимают соглашения о самоцензуре – главным образом, по нравственно-этическим вопросам (секс, насилие и пр.). Ряд влиятельных организаций занимается цензурой школ и учебников. Обязательной силы их решения не имеют.

Разумеется, политическая и юридическая свобода зарубежной печати не исключает ее экономической несвободы и возможности идеологического давления государства и правящего класса. В остроумном рассказе одного американского писателя говорится о племени ляп-ляп, в котором все важные вопросы решались демократическим путем: при голосовании полагалось трубить в золотые трубы, и принималось то предложение, в чью пользу трубы пели громче всего. Поскольку золотые трубы были лишь у трех-четырех самых богатых людей племени, только они практически и вершили дела. Издательства, газеты и журналы тоже принадлежат богатым людям, и поэтому класс, который господствует в экономике, господствует и в печати. И, тем не менее, его господство не монополично, не абсолютно и не однородно. Свобода печати предоставляет возможность иметь свободу высказывания любых политических партий, религиозных и политических групп, отдельных лиц. Ни один писатель и журналист не свободен от

общества. Однако эта несвобода оставляет широчайшие возможности для отражения широкого спектра общественного мнения без угрозы административных и юридических преследований. И если говорить о собственно цензуре за рубежом, то писать больше по этому предмету совершенно нечего.

Поэтому оставим эту неблагодарную тему и обратимся к русской цензуре – родной, до боли знакомой, воспетой многими нашими писателями и поэтами от Пушкина до Евтушенко, на каждом из которых она оставила рваные шрамы. («О, варвар! Кто из нас, владельцев русской лиры, не проклинал твоей губительной секиры?» – писал в «Послании к цензору» Пушкин).

Ведь всякое общественное установление принадлежит не только данному строю; оно принадлежит и народу. И цензура советская была продолжением цензуры русской. Между ними больше общего, чем разного – мы еще десятки раз получим возможность в этом убедиться. Вот почему, если мы хотим дойти до оснований, до корней, до сердцевины, изучение русской цензуры нельзя начинать с середины – с 1917 года. Начинать можно только сначала.

О русской цензуре можно писать целые тома – и они уже написаны. Поскольку наша основная тема – советские десятилетия, то мы не станем пересказывать уже известное и пронесемся по истории царской цензуры галопом. И лишь потом, после 1917 года, мы слезем с коня и дальше пойдем пешком, шаг за шагом исследуя этот мало изученный край, где встречаются в противоборстве общество и государство.

Печатный станок, с момента его появления на Руси в 1563 году, находился в руках духовенства и оставался там до Петровских реформ. 2 января 1703 года вышла первая русская газета. Так было положено начало отечественной печати. Первые «Ведомости» печатались ничтожным тиражом (1000 экземпляров), но все равно не находили покупателей. В 1752 году на складах накопилось 11 тысяч экземпляров газет («курантов»), выпущенных в разные годы. Велено было брать их на обертки и продавать на бумажные мельницы. «Рассуждение» сподвижника Петра – Шафирова – о войне со шведами было отпечатано тиражом двадцать тысяч экземпляров, а продано всего пятьдесят. Таким образом, первое столетие с момента своего официального возникновения русская печать еще практически не существовала как средство выражения общественного мнения. Не было еще и литературы – были лишь отдельные писатели, до того немногочисленные, что их можно было пересчитать по пальцам. Поэтому и появление официальной регулярной цензуры отстало в России почти на сто лет от формального зарождения печати. В ней просто не было нужды.

В 1771 году в России возникла первая «вольная» (т. е. не казенная, не государственная) типография, принадлежавшая немцам. В 1776 году им было дано право печатать русские книги (до этого там печатались только немецкие). 15 января 1783 года последовал именной указ Екатерины II о «вольных типографиях»:

«Всемиловнейше повелеваем типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий, и вследствие того повелеваем, как в обеих столицах наших, так и во всех городах Империи нашей, каждому по своей воле заводить типографии, не требуя ни от кого дозволения...»

Указ требовал, однако, известить об учреждении типографии местную Управу благочиния (полицейское управление) и туда же отдавать печатаемые книги на просмотр. Эта оговорка (увы, как часто они встречаются!), по выражению Радищева, «утщетила благое намерение вольности книгопечатания». Он же осмелился подвергнуть критике цензурную оговорку к Указу: «Один несмысленный урядник благочиния может величайший в просвещении сделать вред и на многие лета остановку в шествии разума».

Так или иначе, указ о вольных типографиях содействовал свободе печати. Тот же Радищев смог свободно купить и поставить у себя дома станок и напечатать на нем свое знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву», из которого мы и взяли процитированную фразу. Несмотря на то, что книга предварительно получила разрешение Петербургской управы бла-

гочиния, Радищева за ее публикацию лишили орденов, званий и дворянского достоинства и на 10 лет сослали в Илимский острог.

В 1789 году началась Великая Французская революция, распространившая свои «вредные» идеи на всю Европу. В России ответили на нее запретом ввоза иностранных книг, отменной указа о вольных типографиях и учреждением цензуры. В именном указе сенату от 16 сентября 1796 года говорилось:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.